

Т. А. БЕРТАГАЕВ

СУБЪЕКТ И ПОДЛЕЖАЩЕЕ

В лингвистической литературе вопросу о взаимоотношении субъекта и подлежащего уделяется мало внимания. Между тем определение взаимоотношений субъекта и подлежащего представляет собой важную и необходимую предпосылку исследования структуры предложения. Например, правильная постановка изучения так называемых причастных или деепричастных оборотов, сложных предложений и т. п. в алтайских и некоторых других языках в значительной мере зависит от решения вопроса о том, каковы природа и особенности субъекта и подлежащего, каковы их связи со смежными категориями и место в структуре предложения.

Некоторые исследователи монгольских, тюркских, корейского и японского языков нередко приравнивают субъект к подлежащему, не находя между ними никаких различий, в силу чего каждое имя существительное со значением субъекта, оформленное в том или ином падеже, рассматривается как подлежащее¹.

*

Прежде чем приступить к анализу взаимоотношений субъекта и подлежащего, необходимо заметить, что логики под термином «субъект» понимают элемент суждения². В грамматической же литературе субъект прежде всего понимается в смысле исполнителя или источника действия, а не элемента суждения. Такой субъект может быть выражен и в именном словосочетании, по своему содержанию ни в коей мере не являющимся суждением³, и в словосочетании с причастием или деепричастием (в этом случае Е. С. Истрина называет его «субъектом словосочетания»⁴).

Не задаваясь целью составить реестр употребления субъекта действия в значениях, отличных от логического субъекта, отметим только, что Е. С. Истрина права, когда, имея в виду, очевидно, исполнителя действия, а не логический субъект, приходит к заключению, что «субъект — синтаксическая категория, словесное выражение которой более свободно, чем данное грамматическое подлежащее»⁵. Синтаксический или граммати-

¹ См., например: Г. Д. Санжеев, Синтаксис монгольских языков, [М.], 1934, стр. 63—64; А. А. Холодович, Очерк грамматики корейского языка, М., 1954, стр. 236—237; Н. П. Дыренкова, Грамматика ойротского языка, М.—Л., 1941, стр. 273—274; З. К. Касьяненко, К вопросу о сложноподчиненном предложении в современном монгольском языке. Автореф. канд. диссерт., Л., 1953, стр. 6, 11.

² См. об этом, например: В. Ф. Асмус, Логика, [М.], 1947, стр. 71; «Логика» под ред. Д. П. Горского и П. В. Таванца, М., 1956, стр. 75; см. также М. С. Строгович, Логика, М., 1949, стр. 147—148.

³ Суждение здесь принято в том понимании, в каком оно трактуется советскими логиками, в частности П. В. Таванцом, а не в широком толковании философов-идеалистов.

⁴ См. Е. С. Истрина, Субъект и подлежащее как синтаксические термины, «Уч. зап. Казахск. гос. ун-та им. С. М. Кирова», т. XI—Русский язык, казахский язык и история, Алма-Ата, 1946, стр. 35.

⁵ Там же, стр. 30.

ческий субъект является элементом мысли вообще, представленным в грамматической системе в виде субъекта действия¹. Грамматическое же подлежащее, выражая один из его видов, во многих случаях не совпадает с логическим субъектом². Словесное оформление этих двух категорий может быть различным; так, в примере: [*Колу же, как не нам*] возглавить борьбу против буржуазной идеологии — логический субъект выражен словами, которые никак не могут быть подлежащим.

Оформление подлежащего может полностью совпадать со словесным выражением логического субъекта только в определенных синтаксико-семантических условиях, в частности в тех случаях, когда предложение является двусоставным нераспространенным и содержание его подлежащего представляет предмет суждения. Стало быть, определение: «подлежащее обозначает тот предмет, о котором что-либо говорится в предложении»³, не может считаться полным и точным. Подлежащее выражает тот субъект, который мы назвали выше исполнителем действия или же который вслед за Е. С. Истрипой можно именовать синтаксическим субъектом⁴ или субъектом действия. Однако не всякий синтаксический субъект является подлежащим, поскольку субъект может иметь различные смысловые оттенки (см. об этом ниже). Подлежащее в отличие от других членов предложения выражает свой особый синтаксический субъект или субъект действия.

Для того чтобы выяснить, чем отличается субъект действия, или синтаксический субъект, выраженный подлежащим, от субъекта, выраженного второстепенными членами предложения, необходимо выяснить, что же представляет собой в смысловом отношении субъект, выраженный этими членами предложения. Известно, что форма слова накладывает свой отпечаток на передаваемое им значение. Поэтому субъект действия, выраженный той или иной формой слова, приобретает ту или иную смысловую окраску, свойственную этой форме слова⁵.

В этом отношении характерными являются субъекты действия причастных словосочетаний в монгольских языках, передаваемые формами родительного, исходного и винительного падежей существительного. Например, в сочетании *Дондогийн* (род. п.) *эрэхэдэ* «когда пришел Дондок» (буквально: «Дондока прихожу») субъект действия *Дондок* представлен в виде субъекта с оттенком посессивности; в сочетании *Дондоогоос* (исх. п.) *үгэ хэлэлдэ* «когда говорил Дондок» (буквально: «от Дондока слова сказанному») субъект выступает как отправной пункт действия признака; в сочетании же *хабарийг* (вин. п.) *эрэхэдэ* «когда наступила весна» (буквально: «весну прихожу») — в виде пассивного субъекта с оттенком объектности⁶.

¹ «Действие» в предлагаемой статье понимается широко: под этим словом подразумевается значение всех глагольных форм, включая и служебные формы глагола, а также отглагольные существительные.

² См. об этом П. В. Т а в а н е ц, Суждение и его виды, М., 1953, стр. 39—41.

³ «Грамматика русского языка», ч. II — Синтаксис. Учебник для 6-го и 7-го классов семилетней и средней школы. 5-е изд., испр. и доп., под ред. акад. И. В. Шербы, М., 1944, стр. 2.

⁴ Лучше было бы называть грамматическим субъектом, но последний термин во многих языковедческих исследованиях принято употреблять в значении грамматического подлежащего, что, с нашей точки зрения, является неверным и ведет к уравниванию выражаемого и выражающего.

⁵ Иной характер носит оттенок объектности в субъекте, выраженном подлежащим в предложении со сказуемым — глаголом страдательного залога: *би хаягдааб* «я побежден». Возникновение в данном случае такой смысловой окраски обусловлено не падежной формой, а значением глагольной формы.

⁶ Впрочем обе последние формы субъекта — исходный и винительный падежи — синонимичны родительному, или могут быть им заменены, или реализованы в другом диалекте (соответственно в родственном языке) формой родительного падежа. Поэтому они обе имеют еще оттенок посессивности.

Субъект действия может иметь оттенок адресата, которому как бы позволено совершить данное действие: *Би залуу хүн байнам. Алтан дэлгэй дээрэ намда үшөө ябажа боломоор байгаа* «Я молодой, и мне на белом свете еще можно было бы жить». Субъект действия, выраженный существительным в творительном падеже, может выступать в качестве орудия действия другого субъекта: *Шодон Дэлгэрээр боожоо барюулаад ябашаар ханажа ерээ* «Шодон хотел было возвращаться домой, взяв в качестве кучера Дэлгэра» (буквально: «Шодон, Дэлгэром вожжи свои держа, хотел вернуться домой»).

В приведенных выше примерах каждый субъект действия осложнен каким-то своим смысловым оттенком, и ни один из них не выступает в своем непосредственном, прямом значении субъекта; слова, обозначающие любой из этих субъектов, в предложении являются второстепенными членами — определениями или дополнениями. Поэтому такие субъекты можно назвать условно «косвенными субъектами действия». В отличие от определений и дополнений со значениями «косвенных субъектов», подлежащее выражает субъект в прямом, непосредственном, начальном значении, т. е. в значении, свободном от дополнительной смысловой нагрузки, связанной с формами слова. Такой субъект действия, или синтаксический (грамматический) субъект, можно назвать «прямым» или «свободным субъектом действия», и он, как было сказано выше, только в известных случаях может совпадать с логическим субъектом и быть ему адекватным.

«Прямой субъект» требует сказуемого, если так можно выразиться, с «прямым» значением. Иначе говоря, сказуемое должно выступать в своем непосредственном значении, оно не должно иметь тех отклонений в сторону значений второстепенных членов, какие обычно имеют так называемые второстепенные сказуемые, выраженные причастием или деепричастием. Поэтому, например, существительные в родительном (ненулевом и нулевом, заменяющем первый) падеже, выступающие со значением «косвенного» субъекта в причастных и деепричастных оборотах, нельзя считать подлежащими так же, как и имена в родительном падеже при отглагольных именах существительных.

Существительное в родительном (ненулевом и нулевом) падеже, выражающее действующий субъект с оттенком посессивности, в обоих случаях представляет собой синтаксическое определение, отвечающее на вопрос *хэнэй юунэй* «чей». Причастие и деепричастие в этих случаях ведут себя как и отглагольное существительное, ср.: *Газарай доһолоондо жэмэс унаад мухарба* «при землетрясении (буквально: «трясении земли») плод упал и покатылся» — *газарай доһолоондо жэмэс унаад мухарба* «когда затряслась земля...» — *газарай доһоломсор жэмэс унаад мухарба* «как только земля затряслась...». Все три сочетания в синтаксическом отношении не отличаются друг от друга и имеют разницу только в оттенках выражения времени (ср. последние два оборота). Но как причастие, деепричастие, так и отглагольное существительное действие выражают иначе, чем сам глагол: первые два передают действие в виде пассивного признака, а отглагольное существительное переводит выражение действия в план предметности.

Ясно, что действие, выраженное причастием, деепричастием и отглагольным существительным, нельзя ставить в один ряд с действием, выраженным собственно глаголом; следовательно, причастие, деепричастие и отглагольное существительное, с одной стороны, и личные формы глагола, с другой, нельзя ставить в один синтаксический ряд: глагол является сказуемым сам по себе, причастие же, деепричастие и отгла-

гольное существительное не могут быть сказуемыми сами по себе, без связи, и являются в предложении какими-нибудь другими его членами.

Нет и не может быть такого положения, чтобы одна и та же синтаксическая категория в оборотах (которые некоторые монголисты считают «придаточными предложениями») имела одну форму выражения, а в предложениях — другую. Иными словами: подлежащее не может быть выражено в оборотах формами винительного, родительного и исходного падежей существительного, а в предложениях — только именительным. Следует заметить еще, что как причастия, так и деепричастия выполняют одни и те же синтаксические функции независимо от того, входят ли они в состав оборотов или выступают в качестве одиночных определений. Вот почему в предложении *Хүлтэй хүнэй гэгшээгүй, хүлэг мориной ябаагүй дабашагүй дабаа даба дабааардабаба* «Перевалил через непреодолимую гору, на которую не ступала ни нога человеческая, ни конские копыта» обороты *хүлтэй хүнэй гэгшээгүй* и *хүлэг мориной ябаагүй* по своей синтаксической функции ничем не отличаются от одиночного простого причастия *дабашагүй* и представляют собой однородные с ними определения.

Более того, если мы сравним два оборота: *Хомхой баянай баясан хэбтэхэ сагта*, *гурбан наймаашан ерэнэ* «В то время, когда жадный богач лежал в веселом настроении, к нему пришли три торговца» и *Хомхой баянай баясан хэбтэхэдэ...* «Когда жадный богач лежал в веселом настроении...», то обнаружится, что между ними нет никакой разницы ни в отношении интонации и каких-либо других синтаксических свойств, ни во взаимоотношениях слов, ни в их значениях. Следовательно, оба сравниваемых оборота синтаксически равноценны и являются распространенными обстоятельствами времени. Если рассматривать второй, причастный, оборот как предложение, то, очевидно, предложением нужно считать и первый оборот. А это нелепо, потому что *хэбтэхэ сагта* «во время лежания» (буквально: «лежать время») никак не может являться сказуемым.

Следующей особенностью грамматического подлежащего является то, что сказуемое грамматически согласуется с подлежащим в лице и числе. Имена же в косвенных падежах со значением «косвенного» субъекта сами зависят от причастия, деепричастия и отглагольного существительного.

Итак, причастные и деепричастные обороты с родительным субъекта (соответственно с исходным и винительным) по своим синтаксическим функциям и по характеру выражения отношений к другим словам не отличаются не только от одиночных причастий и деепричастий, но даже от отглагольных существительных. «Косвенный субъект» причастных и деепричастных словосочетаний не может рассматриваться как подлежащее, так как подлежащее есть независимый член предложения, выраженный в основной, начальной форме слова и передающий субъект действия в прямом, непосредственном значении¹.

Из сказанного выше можно заключить следующее:

1. Логический субъект, являющийся элементом суждения, в большинстве случаев не совпадает с синтаксическим (грамматическим) субъектом.

¹ Интересно, что в современном халхаском языке форма исходного падежа существительного при сказуемом-глаголе по своей функции близка к форме им. падежа. В предложении *Багшаас намайг дуудаж самбарт гаргаад гарт минь шохой өгэв* «Учитель (буквально: «от учителя»), вызвав меня к доске, дал мне в руки мел» исходный падеж выражает субъект не прямой, но максимально приближающийся к субъекту-подлежащему. Такое предложение является стилистическим вариантом обычного предложения и употребляется с оттенком почтительного или уважительного отношения к субъекту действия, который не сам производит действие, а как бы поручает его производить другому. Подобное предложение, очевидно, является односоставным, относящимся к группе определенно-личных. Такой тип предложений наблюдается только в тех случаях, когда субъект действия представляет собой разумное существо.

под которым понимается исполнитель действия, выраженный именем в различных формах падежей.

2. Понятие «синтаксический (грамматический) субъект» (или «субъект действия») неоднородно: к нему относится так называемый «косвенный субъект», выступающий с значениями посессивности, орудия действия и т. д., равно как и «прямой или свободный субъект» в его непосредственном значении, свободном от дополнительных смысловых оттенков.

3. В роли подлежащего выступает слово в его основной начальной форме, обозначающее субъект действия в прямом, непосредственном значении и имеющее при себе сказуемое, грамматически с ним связанное.

4. Подлежащим не может являться слово, обозначающее «косвенный субъект».